

Блюдце с плоскою водою,
Лампы свет, закат в окне...
Постою перед бедою,
Погадаю при луне.
А за окнами — дорога,
Вербы гнутые, гряда.
Манит, манит от порога,
А задумаюсь — куда?..
Горизонт коряв и черен,
Тучи с рваной бахромой.
Зашумит крылами ворон,
Станет виться надо мной,
Намотает сорок петель,
Из степей пригонит ветер,
А когда запахнет адом,
Прекратит кружить, парить,
Круг замкнет и сядет рядом,
Страхи станет говорить,
Клювом клацать, глазом мерить,
В жуть вгонять, но я ему,
Черному, не буду верить,
Как не верю никому.

ДОРОГА

1

А вот курган. Я знаю — там, внутри,
Ни фараона нет, ни печенег.
Там спит сармат. Стоит его телега.
И конь, согретый краешком зари,

Траву жует и на восход косится,
На злое золотое колесо...
Бредут стада. Тугая пыль клубится,
И мертвым прахом засыпает все.

2

И вновь курган... Я знаю, там, внутри,
Ни фараона нет, ни печенега.
Там и сармата нету. Из набега
Он не сюда вернулся... Фонари
Мерцают на столбах. Шоссе искрится.
Кабанье стадо валит камыши.
Арык блестит. Крылом ночная птица
Беззвучно воздух рвет. И ни души!
Ни ветерка, ни тонкой волосинки.
И на сто верст такая тишина,
Что на осоках спелые росинки
Светлей, чем азиатская луна.

3

Пахнет зноем и вяленой дыней.
На припеке змея не видна.
Солнце льет и над каждой святыней
Азиатская блещет луна.

От ветров побелевшие кости.
На халатах размывами соль...
И откуда в глазах этих острых
Столько лести и хитрости столь?

Полководцы! Воители! Ханы!
Каждый страшен и каждый велик.
Зазевайся — порежут карманы.
Закричи — перережут кадык.

* * *

К ним под вечер с делянок мороз приходил,
И печные дымы устремлялись к звезде.
Бился повод, и капала пена с удил,
Превращаясь в слюду. И мерцало в слюде.
Опрокинется Ковш, колыхнутся Весы,
Млечный путь из белесого станет седым,
Загрохочут цепями тяжелые псы,
На ночлег разбираясь по будкам своим...
Это было в далеком суровом краю.
Там на крик «выходи!..» отвечали «стреляй...».
Там спустили убитых тела в полынью
Ушаковки-реки: мол, храни, не теряй!..

Закрутила река в ледяную струю
Обнаженную страшную тайну сию,
Но сберечь не смогла, расплескала в камнях...
Я представлю тот ужас, конвой на конях, —
И, представив расстрельным себя, на ветру,
Я гнедому конвою «стреляйте!..» — ору.
Не стреляют. Их нет. Их зарыли уже.
Для чего же сходились на том рубеже?

* * *

...И решусь!
И отдам все за ломаный грош.
Ничего не возьму — только песню и лиру,
И пойду по дорогам (веселый Гаврош!),
Забывая свою городскую квартиру.

Будут петь мне в июнях мои соловьи,
Будут в августях падать на плечи рассветы,
И осенние листья под ноги мои
Будут сыпаться, как золотые монеты.

Что мне золото?
Нет, не нагнусь, не возьму!
Знаю я, что от золота голос грубеет.
А за песни мои в самом бедном доме
И накормят меня, и теплом обогреют...

И за краткий ночлег ничего не возьмут,
И слова на прощанье хорошие скажут,
И советом помогут,
И хлеба дадут,
И к другому селенью дорогу укажут.

НОЧЬЮ

Борису Друяну

Ударил разряд и застыл на весу,
И хлынуло небо, смывая дорогу.
Ликует природа! В такую грозу
Пророки идут на свидание к Богу.

Я чувствую дрожь от коленей к рукам,
И стыдно, и больно трусливому глазу.
Но слышу их посохи, сквозь ураган
Негромко стучащие по диабазу.

Стучат, и стучат, и уходят во мглу,
В промокших одеждах, с седыми волосами.

Нездешними ветер поет голосами,
Толкает их в спину и рвет за полу.

Стучат, и стучат, и стихают вдали...
Пора петушина — ночь на исходе.
И гром затихает. Наверно, подходят.
И дождь прекратился. Наверно, пришли.

* * *

Под вечер — дождь и шорохи листвы.
А мы его еще с рассвета ждали.
Мозжила кость, цветы на одеяле,
В пучках нездешней ситцевой травы,
В окно глазели: будет или нет?
И вот — пришел.
Теперь — ни в лес, ни в поле...
Налей стакан, насыпь щепотку соли,
Кивни себе, друзьям пошли привет,
Скажи спасибо, что они не здесь,
Что там у них и день, и жизнь другая...
И, горький лук в соленое макая,
Будь счастлив тем, что луковица есть,
И есть сухарь, и небо за окном...
А то, что звезды на ночь дождь завесил,
Так это потому, что ты невесел,
И думаешь все время об одном.
А ты не думай!
И, считая дни,
Рисуй углем на горбылях барака
Звезду к звезде, как знаки Зодиака,
И засверкают черные, они.

* * *

Жаром пышущее в сто ватт,
Солнце сплющилось о закат,
Вышел месяц и, боком стоя,
Глянул вниз, где на полверсты
Встали радугами мосты,
Где село, отходя от зноя,
К ночи вылезло из щелей,
Зашумело.
А ведь казалось,
Что такая царит усталость,
Что вернувшиеся с полей
На пол рухнут и онемеют,
Шевельнуть губой не посмеют,
И без задних ног и без рук
Захрапят.

Но жива деревня!
Тащит ветки, трясет деревья,
Разжигает костры вокруг, —
Пахнет пшеникой, полынным дымом,
Духом пахнет таким родимым,
Что присядешь и загрустишь,
Самых светлых коснешься клавиш,
За плечами крыла расправишь
И куда-то летишь, летишь.

* * *

Жизни верю и в слово верю,
Потому и стихи пишу...
Я подобен отшельнику-зверю,
Что к пустому прибрел шалашу.

Пустота... Ни росинки — напиться,
Ни искринки в седом уголке.
И летают бескрикие птицы
Надо мной в золотом сосняке.

Так зачем же однажды, скажите,
Я услышал далекий набат,
И, Алтая обветренный житель,
Я за солнцем пошел на закат.

Замерзали и плавилась реки,
Я учился вдоль их берегов
Видеть друга в любом человеке
И не верить в грядущих врагов.

И — ошибка! Какая ошибка...
И обидно, и горько до слез,
Что сквозь вечер туманный и зыбкий
Под шуршанье дорожных колес

Ночь подходит глухая, сырая,
С жутким хлюпаньем черной воды,
И на небе от края до края
Даже малой не видно звезды.

А дорога — пустынная слякоть...
Кто мне скажет, как сыну, любя,
Сколько мне еще падать и плакать,
И огонь высекать из себя.